

Пролог

Понедельник, 29 августа 2016 года

Три часа ночи. Весь салон пропитался трупным запахом. Жара все не спадала, и даже включенный на полную мощность кондиционер не справлялся с невыносимой вонью из багажника. Тело разлагалось очень быстро.

Он положил ее в машину два часа назад. Мухи кружили по салону в поисках тела, и приходилось то и дело от них отмахиваться. Его забавляли собственные беспорядочные хлопки и размахивания руками. Будь она жива, может, посмеялась бы вместе с ним.

Несмотря на очевидный риск, эти ночные поездки в Лондон по пустой дороге через пригороды доставляли ему удовольствие. За несколько улиц до пункта назначения он выключил фары и, свернув на нисходящую дорогу, заглушил двигатель. Машина катилась мимо темных домов в абсолютной тишине. В самом низу улицы стояло здание маленькой заброшенной типографии. От проезжей части здание от-

деляла парковка, а ряд высоких деревьев прятал его в тень. В ночном небе виднелись оранжевые проблески — следы выбросов какого-то предприятия. Из-под асфальта на парковке пробивались корни деревьев, на которых машину подбрасывало вверх.

Подъехав к мусорным бакам у входа в типографию, он резко повернул руль влево и остановился, почти прижавшись багажником к самому последнему баку. Дома напротив были скрыты за деревьями, а от ближайших к парковке его отделяла кирпичная стена. Посидев несколько минут в тишине, он достал из бардачка пару латексных перчаток, открыл дверь и нырнул в духоту и испарения от потрескавшегося асфальта. В перчатках руки вспотели за считанные секунды. Как только он открыл багажник, оттуда вылетела трупная муха и попыталась сесть ему на лицо. Снова пришлось отмахиваться и отплеиваться.

Он откинул крышку мусорного бака, и в нос ударил гнилостный запах. Из бака вылетела новая партия проклятых мух, отложивших свои яйца в теплых и зловонных мусорных массах. Отогнав их от себя, он снова повернулся к багажнику.

Она была очень красива — до самого конца, даже когда и волосы, и одежда пропитались потом и кровью. Еще несколько часов назад она плакала и умоляла его о пощаде. Сейчас же ее тело — лишь отработанный материал, не нужный никому — ни ей, ни ему.

Он осторожно вынул труп из багажника и положил горизонтально на кучу черных мешков, которы-

ми был наполнен бак. Закрыв крышку, оглянулся. Вокруг не было ни души — особенно теперь, без нее. Он вернулся в машину и отправился в долгий обратный путь.

Ранним утром следующего дня из близлежащего дома вышла женщина с черным переполненным мешком. Накануне был выходной. Мусор не вывозили, а с ее новорожденным малышом оставались родители мужа. Она открыла крышку ближайшего бака, и оттуда ураганом вырвалась целая стая мух. Отпрянув, она стала отмахиваться от них. А потом поверх черных мусорных мешков она увидела тело молодой девушки — жестоко избитой, с заплывшим глазом и рассеченным черепом. Тело было сплошь покрыто мухами.

Следом в нос ударил запах. Руки разжались, мешок выпал, и женщину вырвало прямо на горячий асфальт.

Глава 1

Понедельник, 9 января 2017 года

Старший инспектор Эрика Фостер наблюдала за тем, как инспектор Джеймс Питерсон сушит полотенцем промокшие под снегом короткие дреды. Он был высок, строен и обладал самоуверенностью и обаянием в идеальных пропорциях. Шторы в комнате были плотно задернуты, чтобы ничего не напоминало о сильной метели на улице. Фоном тихо работал телевизор, а в маленькой гостиной, совмещенной с кухней, от двух новых ламп шел теплый и мягкий свет. После тяжелого рабочего дня Эрика собиралась принять горячую ванну и пораньше лечь спать, но вдруг из ближайшей забегаловки позвонил Питерсон и спросил, не голодна ли она. Не успев придумать причину для отказа, она ответила утвердительно. Во времена, когда Питерсон был ее подчиненным, они вместе успешно расследовали несколько убийств. Сейчас же их разбросало по разным отделам: Питерсон так и занимался убийствами, а Эрика перешла на бумажную работу, которую очень быстро возненавидела.

Питерсон подошел к батарее, аккуратно повесил полотенце и, улыбнувшись, повернулся к Эрике.

— Там настоящий буран, — сказал он, сложив ладони лодочкой и дуя в них, чтобы согреться.

— Как Рождество? — спросила она.

— Нормально, были только мама и папа. Сестра двоюродная замуж выходит, — ответил он, снимая кожаную куртку.

— Поздравляю... — Эрика пыталась вспомнить, говорил ли он ей когда-нибудь про сестру.

— А ты? Ездила в Словакию?

— Да, с сестрой и ее семьей. Спали на одной кровати вместе с племянницей... Пиво будешь?

— С удовольствием, — с энтузиазмом откликнулся Питерсон.

Положив куртку на спинку дивана, он сел. Эрика открыла дверцу холодильника и заглянула внутрь. Упаковка пива занимала все отделение для овощей, а из съедобного был только суп многодневной давности в кастрюле на верхней полке. Она попыталась рассмотреть свое отражение в стальной поверхности кастрюли, но округлая форма искажала пропорции: ее лицо сделалось нереально узким, лоб выпирал словно шар, — будто в кривом зеркале. Надо было просто вежливо соврать, что она уже поела.

Несколько месяцев назад, выпив в баре с коллегами, Эрика и Питерсон оказались в одной постели. Они оба чувствовали, что это не просто банальный секс на одну ночь, но с тех пор общались только в рабочей обстановке. До Рождества они провели вместе еще две ночи, и оба раза она не осталась на завтрак.

Сейчас она была у себя дома, они были трезвы, а на книжной полке у окна стояла фотография ее умершего мужа Марка, в ореоле из ее чувства вины.

Она постаралась унять и беспокойство, и чувство вины, достала две банки пива и закрыла дверцу холодильника. Полосатый красно-белый пластиковый пакет с рыбой и картошкой лежал на разделочном столе, и от аромата у нее потекли слюнки.

— Будешь есть с бумаги? — спросила она, открывая банки с пивом.

— А как еще?! — воскликнул Питерсон.

Он сидел, закинув ногу на ногу и вытянув руку вдоль спинки дивана. Всем своим видом он показывал, насколько уверенно и комфортно себя здесь чувствует.

Эрика понимала, что только испортит вечер, но поговорить было необходимо. Ей было нужно очертить границы. Она достала две тарелки, взяла пиво и пакет с едой и перенесла все на кухонный столик. Молча раскрыв бумажные упаковки с дымящейся рыбой с аппетитной корочкой и золотистой мягкой картошкой, они начали есть.

— Слушай, Питерсон... Джеймс... — начала Эрика. У него зазвонил телефон.

— Извини, я должен ответить, — сказал он, доставая его из кармана.

Эрика кивнула. Он принял вызов и стал слушать, нахмурившись.

— Правда? Хорошо, без проблем, какой адрес? — он взял со стола ручку и начал что-то записывать на краешке бумаги от картошки. — Я рядом. Могу вы-

ехать сейчас и держать оборону, пока ты не подъедешь... Главное, не торопись, раз такие дороги.

Он положил трубку, засунул в рот картошку и встал.

— Что случилось? — спросила Эрика.

— Какие-то студенты нашли изувеченное тело девушки в мусорном баке.

— Где?

— На Татерсол-роуд, это в Нью-Кросс... Черт, какая вкусная картошка, — он запихнул в рот еще несколько штук, взял кожаную куртку и проверил удостоверение, бумажник и ключи от машины. Эрика в очередной раз пожалела, что ушла из следственного отдела.

— Извини, Эрика. Придется отложить до следующего раза. Вообще-то предполагалось, что сегодня вечером я буду свободен. Кстати, что ты собиралась сказать?

— Да ничего. А кто звонил?

— Старший инспектор Хадсон. Она застряла в снегу. То есть не то чтобы застряла, но она едет из центра Лондона, а дороги в плохом состоянии.

— Нью-Кросс близко, я поеду с тобой, — сказала Эрика, отодвигая тарелку и схватив со столешницы свою сумку и удостоверение.

Он прошел за ней в прихожую, на ходу надевая куртку. Эрика посмотрела на себя в маленькое зеркало, отерла жир у рта и провела рукой по коротким светлым волосам. На лице не было косметики, и она заметила, что за неделю рождественского отпуска, даже при ее высоких скулах, оно успело округлить-

ся. Поймав его взгляд в зеркале, она увидела, что он помрачнел.

— Ты против?

— Нет. Но поедem в моей машине, — сказал он.

— Нет, я еду на своей.

— Ты и сейчас будешь навязывать мне субординацию?

— О чем ты? Ты едешь на своей машине, я на своей. Поедем колонной.

— Эрика, я к тебе пришел рыбу с картошкой поесть...

— Просто поесть?

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Тебе позвонили по работе, и мне кажется совершенно логичным, что я как старшее должностное лицо буду присутствовать на месте происшествия. Особенно учитывая, что старший инспектор Хадсон задерживается... — на этой фразе ее голос оборвался. Она поняла, что перегнула палку.

— «Старшее должностное лицо». Ты так и будешь мне об этом напоминать, да?

— Надеюсь, ты и сам не забудешь, — отрезала она, надевая куртку и выключая свет. Из квартиры они вышли в напряженном молчании.

Глава 2

Подсвечивая фарами валивший с неба снег, Эрика свернула с загруженной дороги на Татерсол-роуд. Через мгновение за ней последовал Питерсон. На

углу был расположен салон кухонной мебели, перед ним была большая парковка. На заснеженном асфальте голубыми бликами мерцали сирены трех патрульных машин. В горку шел сплошной ряд таунхаусов. Жильцы высовывались из дверных проемов и с любопытством наблюдали, как полиция разматывает оградительную ленту и обносит ею парковку салона. Сам салон примыкал торцом к первому жилому дому и был началом длинной цепочки зданий. К радости Эрики, около патрульных машин она увидела инспектора Мосс, о чем-то беседующую с полицейским. Эрика знала, что ей можно доверять. Когда-то они вместе расследовали несколько убийств. Припарковавшись на противоположной стороне улицы, Эрика и Питерсон перешли дорогу.

— Рада встрече, шеф, — приветствовала Эрику Мосс, зябко кутаясь в куртку и поднимая повыше воротник, чтобы защититься от летящего снега. Она была невысокого роста и крепкого телосложения, с короткими рыжими волосами и веснушчатым лицом. — Ты здесь в официальном статусе?

Эрика и Питерсон ответили одновременно. Она сказала «Да», а он — «Нет».

— Подождите нас несколько минут, — обратилась Мосс к полицейскому. Тот кивнул и направился к машине.

— Я была с Питерсоном, когда ему позвонили, — объяснила Эрика.

— Всегда рады твоему присутствию, босс. Я просто думала, что это дело возьмет старший инспектор Хадсон.